

И. ДЕНИСЕВИЧ

ДОМОВОЙ И ДОМАШНИЙ СКОТ В ПОВЕРЬЯХ КАРГОПОЛЬЯ

В севернорусской, как и в локальной Каргопольской (Архангельская обл.) фольклорной традиции, которую исследует Этнолингвистическая экспедиция Российского государственного гуманитарного университета, существуют несколько духов-покровителей деревенского жилищно-хозяйственного комплекса: считается, например, что в бане обитает *баеник* (*банник*, *банный хозяин*), в овине — *овинник* (*овинный хозяин*), во дворе, то есть в хозяйственных помещениях самого севернорусского дома, — *дворовой*, в избе, то есть в жилой части дома, — *домовой*, некоторые эвфемистические номинации которого иногда превращаются в отдельных персонажей — *лизуна*, *запечника*, *подпольника*. О первичном единстве или независимом происхождении этих персонажей в историческом смысле говорить достаточно сложно. Однако изначальное единство жилого и хозяйственных помещений человеческого жилища¹ наводит на мысль о том, что выделение вышеперечисленных персонажей происходит с выносом из основного корпуса дома различных функциональных помещений в отдельные постройки². Механизм «членения» изначальное, видимо, единого покровителя дома на несколько персонажей был, возможно, связан с персонификацией отдельных функций³.

Так или иначе, в современной традиции такие персонажи, как *банник* и *овинник*, функционируют совершенно самостоятельно. Однако ситуация с дифференциацией домового и дворового несколько сложнее, что, возможно, также связано со структурой самого крестьянского дома, но на сей раз со спецификой современного севернорусского дома. Она заключается в том, что *изба*, то есть собственно жилое помещение, и хозяйственная часть дома, представленная крытым *двором*, находятся под одной крышей⁴. Благодаря такому расположению помещений, *домовой* и *дворовой*, в отличие от банного или овинного хозяина, локализованы в пределах одной постройки. Порой оба названия фигурируют в рассказе одного информанта. Возможно, сама рефлексия информантов по

поводу единства или различия этих персонажей начинается в тот момент, когда собиратель задает об этом вопрос. Если же собиратель не акцентирует внимания на терминологических нюансах, носитель традиционной культуры, вероятно, сам над ними не задумывается. Например: «[В доме и во дворе] один хозяин и хозяйка одна» (Кречетово); «[Хозяин есть дома, а во дворе — он или другой хозяин?] Нет, один, один, один, один, один» (Каргополь); но: «В доме — домовый, а во дворе — дворовой, скотину бережет» (Тихманьга); «[В хлеву есть хозяин?] Тоже должен быть тоже хозяин. Там в доме-то, дак это, как его, должен быть домовый, а во дворе, во хлеве там должен быть тоже хозяин для скотины. [Как его зовут?] Тоже называют батюшко-хозяюшко» (Калитинка).

Выделение *дворового* как отдельного персонажа свидетельствует о том, что функция *домового*, связанная с покровительством скоту, крайне важна для образа домашнего духа. Показательно, что даже в том случае, если этого размежевания не происходит, в образе самого домового всегда подчеркивается особая важность его связи со скотом. Не часты, однако характерны в этом отношении записи, в которых утверждается, что наличие домового зависит от наличия скота. «[Хозяин] в каждом, в каждом доме, он во дворе, хозяин с хозяйкой. У кого скотины нет — дак не знаю — есть или нет, а у кого скотина — у каждого есть, он около скотины. [А в доме нет никого?] Нет, в доме нету» (Тихманьга).

Может быть назван такой ряд необходимых для существования домового условий: «Если есть семья, хозяйство, корова — должен быть и хозяин [домовой]» (Кречетово). В этом проявляется специфическая черта домового, которая выделяет его из ряда других персонажей низшей мифологии, покровительствующих определенным локусам. Таких персонажей называют *хозяевами* — например, *лесными* или *водяными*. Как все представители мира демонического, они могут принести человеку выгоду, однако в их образах все же более акцентированы негативные черты. Их отношение к человеку враждебно, нанесенный ими вред зачастую немотивирован. Отношения же домового с людьми устроены по-

другому. Прежде всего потому, что сфера его обитания — человеческий дом — в отличие от леса и водоема осмысливается носителем традиционной культуры как «свое», «человеческое», «окультуренное» пространство. Таким образом, домовый оказывается наиболее близким человеку персонажем, этот образ генетически особо тесно связан с культом предков, с родовым покровительствующим началом. Отсюда и смещение акцента с покровительства самому пространству дома на отношения с живущей в нем семьей, вплоть до установления прямой зависимости наличия домового от населенности дома.

Несмотря на то что, как и *леший* и *водяной*, домовый может приносить человеку и пользу, и значительный вред, при его описании прежде всего акцентируется его «доброта» к человеку. Она выделяет его среди демонологических персонажей.

В той же тональности выдержаны современные полевые записи. Часто информанты экспедиции РГГУ начинают свой рассказ о домовом хозяине с того, что он «помогает». «[Домовой за скотиной ухаживает?] Да, помогает, говорят, помогает» (Каргополь); «[Домовой — он добрый?] Так добрый, конечно, домовый должен быть добрый. Он злым не должен быть, и к домовому должно относиться хорошо» (Тихманьга). В крайнем случае, подчеркивается его пассивная доброжелательность по отношению к человеку или домашнему животному: «Он помогает. Не помогает, а, видимо, не мешает, когда скотина пьет и ест» (Тихманьга).

Помощь домового в мифологических рассказах крайне разнообразна, вплоть до того, что он полностью ухаживает за скотиной — кормит ее, чешет, моет. «Отец рассказывал покойный: пришёл в хлев, лошади давать [корм], вот две лошади дак, а он уж прежде меня вот надавал. Приходит: "Мать!" — "Цёво?" — "Полна кормушка, сена надавано". А Бог знает, кто надавал... Хозяин надавал» (Ухта).

Очень распространен сюжет о том, как дворовой в образе хозяина — человека застают в хлеву за обиходом животного. «Я слыхала еще от своей мамы, от моей. Говорит, иду во двор, а стоит, го-

ворит, как вот наш отец, гладит, говорит, всё лошадь ту, гладит, гладит. Я, говорит, так вот ужаснулись и думаю: дак што, Иван, ты чего эт-то делаешь; и потерялся, никакого Ивана нет. А лошадь молодая была, дак хорошая. Красивая, дак он у них кос наплетет, дак до навозу. Много кос, грива-то, из гривы-то. Вот это тоже ведь, как не хозяин, хозяин. Значит, она по двору, он ей любил, дак видишь, поил т кормил, ещё и кос наплетёт. Вот это тоже всё было» (Река); «У нас мама рассказывала, она сама видела. Я, говорит, иду, пошла корову посмотреть, иду, говорит, корова-та во дворе, не застала в хлев-то. Корова во дворе. Смотрю, говорит, женьщина ходит и гладит ее. Вот... вот это... от головы до хвоста. Я, говорит, так испугалась, еле зашла домой. Пришла и гворю мужу: "Дедко, пойдём, там баба есь во дворе ходит" — "Ты што?! Ты што, с ума сошла?! Время полночь, как тебе баба?" — "Пойдем, а то уведут корову!" Пришла... пришли, говорит: "Ну, где твоя баба-то? Двери все закрыты, ворота закрыты. Кака тебе баба, тебе што, приснилось?" Она грит: "Я поняла, што это хозяйка"» (Каргополь).

Когда же за скотиной ухаживает человек, домовый всячески ему содействует. Например, он учит хозяйку, с какой стороны нужно сесть при дойке (Печниково), предупреждает о том, что животное находится в опасности (Саунино). Вообще сюжеты о «помощи» домового в хозяйстве крайне разнообразны, так как участием покровителя хлева может объясняться многое. Выделяется группа сюжетов о том, что домовый подает весть, то есть с помощью определенного знака сообщает человеку какую-либо информацию о скотине. Самый распространенный сюжет — о том, что домовый зовет хозяйку в хлев, если та замешкается, в случае опасности или во время отела. Собственно «звать» он может стуком посуды, толчком в бок, или же является во сне, например, кошкой. «[Как выглядит хозяин?] Он вот тебе сам вот не видится, а в сонном виде ты даже с ним, говорят, общаться можешь. Вот когда ты спишь, он тебе привидится. Или кошкой. Больше он появляется кошкой. И вот начинает ласкаться: значит, иди во двор. Во двор зовёт, шо непорядок. Скотина — на зиму заставаешь — ну вот, то иной раз корова упутается, вот он придёт, тебя разбудит. То к овцам кто-то заберётся. И просыпайся, сразу иди. Я так два раза видела во снах, дак корова должна была телиться. И вот ласится и ласится [ласится]. Вроде отбросила [кош-

ку], побежала — нигде никого нету. Со-скочила, пришла во хлев — корова-то уже растелилась» (Кречетово).

Домовой, как буквально *хозяин* хлева, является хранителем порядка в нем: он не только оберегает скотину от внешних опасностей, но и следит за соблюдением правил поведения в хлеве самим человеком — хозяином коровы, лошади, овцы или козы. В случае нарушения правил человека ждет наказание: «У нас один в Заполье вон тожо мужик, тожо пришел лошадей поить, да одну вымалцугал, дак хозяин его выхлыстал, что глаз выхлыстал, что был кривой век свой» (Кречетово). Отметим, что мотив хлестания как наказания демонологическим персонажем за нарушение ритуального этикета в общем характерен для отношений человека с духом-хозяином. Для сравнения можно привести сюжет о па-стухе, нарушившем *отпуск*, то есть пренебрегшем правилом поведения во время сезона пастбы, которого леший хлещет верхушками деревьев.

Участие домового буквально во всех сферах скотоводческой жизни — от кормления до выпаса — отражается также в особом обряде обращения к нему за помощью. *Хозяина-батюшку и хозяйку-матушку со всеми их детишками* просят помочь накормить, обиходить, выпустить и встретить, уложить на ночь, *установить* (то есть приучить корову к дойке), подоить, посодействовать при случае или отеле. Самая распространенная ситуация, когда к дворовому обращаются со *словами* (то есть произносят текст просьбы) о скотине, — после покупки, когда новое животное в первый раз заводят в хлев. Эта процедура сопровождается различными ритуальными действиями: исполнители обряда кланяются во все углы хлева, крестятся, оставляют домовому угощение. Поскольку обряд обладает продуцирующей семантикой, в нем часто фигурирует хлеб (или зерно), являющийся символом плодородия и *живота*, то есть жизни: «[Когда приводишь в хлев купленную корову, не нужно сказать что-то?] Да, там слова тоже говорят што: "хозяин с хозяйской, возьмите мою подрушку (там как назовёт её — кличка), холте кли... клините, штоб растите, штоб телились, штоб доила", — там всё вот эти, и в четыре угла хлеб ложат» (Лукино); «И вот в четыре угла и кидаешь зерно левой рукой в каждый угол. Как говоришь. В каждый угол по три раза скажешь, а четыре угла. И по три раза зерно кинешь. Ну вот сказала молитву и кинула, сказала и кинула.

И остаток зерна высыплешь на серё-ну хлева» (Абакумово). Важнейшим элементом обряда является обращение к *хозяину* или — чаще — к *хозяину и хозяйке*. Его словесное выражение, как и многие другие сакральные тексты, каргопольцы называют *словами*. Текст строится по довольно устойчивой двухчастной схеме. Первая часть — собственно обращение к *хозяину-батюшке* и *хозяйке-матушке (и всех их деткам)* неизменна и повторяется из текста в текст, вторая — довольно подвижна и зависит от ситуации произнесения: «[Как надо просить?] Ну, там есь определённая присказка. [Вы не знаете?] На память — нет. Ну просто, "батюшко-хозяин", — чё хочешь, то и просишь» (Каргополь).

Характерна номинация домового и его женской ипостаси, употребляемая в скотоводческих текстах: *батюшка* и *матушка*. В ней подчеркивается роль домового как покровителя рода, старшего в семье. Вторая же часть обращения содержит набор просьб: принять, поить, кормить, холить и лелеять, пасти, помочь подоить и т.д. «Большачок-батюшка, попой и покорми мою скотинку, погладь и подрочи, попой и покорми» (Озерко); «Хозяюшко-батюшко, хозяйюшка-матушка с малыми детками, поите, кормите, любите и берегите всю мою скотинку. [Когда это надо говорить?] Когда в дом или какую скотину покупаешь [нрзб.] в дом новый заходить — надо сказать» (Печниково).

Подобные тексты могут произноситься окказионально (например, при покупке нового животного или рождении теленка), что отражается во второй части обращения (*чё хочешь, то и просишь*), ориентированной на изменение в каждой отдельной ситуации. В таком случае в тексте появляются специальные просьбы: *пригони мою скотинку* (Калитинка), *возьмите мою подрушку* (Лукино), *примите мою коровушку в ваш дом* (Печниково), *встречайте и провожайте мою коровушку* (Абакумово), *ты пусти животинку погреться, пожить* (Ловзаньга).

Однако чаще просьбы имеют абстрактный характер и направлены на благополучие жизни скота в целом: домового просят животное *любить, холить, лелеять, кормить, поить, хранить*. Тексты с таким набором обращений могут как произноситься в специфических ситуациях (например, при случае или отеле), так и функционировать как ежедневный оберег, наравне с самым распространенным универсальным словесным оберегом «Господи, благослови».

орой в тексте буквально проговаривается, что скотину «отдают» в распоряжение дворового: «Вот тебе наша скотинка, крестьянская животинка» (Тихманьга); «Батюшко-хозяюшко, пригони мою скотинку, крестьянску животинку, попой и покорми, погладь и полюби, на меня на молоду большуху не надейся, я большуха молода и все надеюсь на тебя, попой, покорми, погладь и полюби» (Калитинка).

Таким образом, домовый оказывается универсальным помощником в разведении домашнего скота, и здесь проявляется особенность этого персонажа, основной характеристикой которого в отличие от лесных и водяных становится покровительство не пространству — дому, а скорее его обитателям. В этом смысле особенно интересны и показательны случаи, когда домовый, зачастую по просьбе человека, покидает дом. Например, иногда информанты рассказывают, что знахари вызывают домового для помощи в поиске пропавшей скотины, хотя наиболее частым и адекватным (по пространственному признаку) адресатом таких просьб является леший. «[Если корова в лесу пропадала, что делали?] А это было много раз, много случаев было таких. Были люди специально как знахари. Они об... этово, общались с домовым. С духами. Это было на самом деле. Так, это значит, знахарь знался с этим, с до[мовым]... с силами вот какими-то, я не знаю, так, и он указывал, где корова. Так. И придут на то место — точно, корова» (Каргополь).

В ряде случаев хозяйки просят домового о помощи не только при дойке, установлении, кормлении, отеле и т.д., то есть в хозяйственном цикле, связанном с пространством дома, но также и в ситуациях перехода из области дома в область вне дома (лес, пастбище). Домового, а не, к примеру, лешего, просят помочь выпустить, встретить скотину с пастбища, заставить и найти, если она потерялась: «Скотинку выпускать либо што-нибудь, так ведь так просто не отпустишь скотинку, што ведь так откроешь ворота и поди — всё равно идёшь просить хозяина, што помоги мне как отпустить на волю на лето скотинку, помоги этого проводить покормить, попоить и домой пригнать. Это особо, каждая хозяйка должна так говорить, просить хозяина» (Печниково); «[Как заставляли коров?] Дак у каждого своя молитва. А у меня: "Господи, благослови, батюшко-хозяюшко, нагулялась моя коровушка, заставаю во хлевы и во дворы,

помилуй и спаси"» (Ухта); «[Слова] на выгон. [Записаны под диктовку информанта.] Пресвятая Госпожа Богородица, спаси и сохрани мою коровушку (телёночка, овечек, кого там выгоняешь) от всех смертей, от всех болезней, от всех ненавистных людей. Спаси и сохрани. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Это три раза говорят. [Всё это говорят?] Да. И это, выгоняешь когда, там... [Где?] Во хлеве, в сеннике двери открываешь и говоришь: "Хозяин-батюшка, хозяйкаматушка, встречайте и провожайте мою коровушку (телёночка) (коровушку по кличке), на меня, на хозяйку, не надейтесь"» (Абакумово).

В случаях, когда при потере скотины прибегают к помощи лешего, одной из самых распространенных ситуаций является приношение на дорогу, на перекресток или в некое особенное место (под определенный куст, к дереву, вывернутому ветром, в дупло) каких-либо «жертв» лесному. Это могут быть какие-нибудь продукты, например, яйца (чаще всего — три яйца), масло, предмет, данный знахарем, специально наломанные ветки, на которые был наговорен магический текст. В этом «особом месте» может произноситься текст обращения к лесному.

Эта ситуация своеобразно трансформируется, если вернуть скотину просят домового. Ее основные элементы — отнесение некоего предмета на дорогу, обращение к *хозяину* — сохраняются. Однако предметы «обмена» заменяются сметенным в доме сором; текст «Большушка-матушка, большачок-батюшка <...> и детки ваши, пособи́те скотинку найти, пособи́те» (Озерко) произносится в подполье, а затем в хлеве (при этом надо поклониться по часовой стрелке во все четыре угла хлева, начиная с *большого*, то есть соответствующего красному углу с иконами в доме). Потом надо высыпать этот сор на дорогу, по которой выгоняли пропавшую скотину, и пойти искать туда, где ее оставили. Таким образом, при формальном сходстве обрядов поиска скота с привлечением *лешего* и *домового*, в первом случае акцентируется момент «обмена» с нечистой силой, а во втором — содействия, укрепления связи с домом и его покровителем.

Довольно часто встречаются рассказы о том, как ходили в хлев, чтобы спросить домового о потерявшемся члене семьи. Например, во время Великой Отечественной войны, видимо, была распространена практика хождения в хлев, чтобы узнать у домового судьбу воюющих

родственников, что отразилось во множестве записанных экспедицией быличек на этот сюжет. Так же спрашивают иногда и о домашнем скоте. «А вот раньше ходили спрашивать. Например, вот у меня ушел хозяин лошадь покупать <...> на ярмарку, и нету, нету, нету. Это ходила моя бабушка спрашивать хозяина: "Хозяюшко-батюшко, почему долго нет хозяина? Придет или нет?" Но страшно, тут надо отчаюну человеку. Потрясется навоз, и он скажет, скажет, что придет хозяин скоро и пригонит лошадь, пегую и хромую. Так он и приехал» (Кречетово).

Домовой не всегда «помогает» и «обихаживает» животное, он также может причинять вред, и не всегда за нарушение этикета. Чаще всего отношение духа-покровителя к обитателям дома и хлева обусловлено тем, пришлось ли они *по двору*. Термином *по двору/не по двору* определяется, пришлось ли животное по душе или не по душе *хозяину*. Второй по распространению термин *по масти/не по масти* более буквально отражает принцип, по которому хозяин «выбирает» — по цвету шерсти, по масти. В каждом доме приживаются животные определенной масти: у некоторых живут белые, у других — пегие, у третьих — трехцветные животные и т.д. «Говорят, што надо корову брать по двору. У ково-то красные, у ково-то чёрные, у ково-то чёрнопестрые, так вот, которые берут, так те выбирают коров таких, какие у них были раньше. Говорят, штобы была корова по двору» (Нокола). Иногда говорят, что выбор производится «по масти самого домового» (Казаково). «Хозяину не по масти дак <...> У нас тут были коровы белые — лучше не держи. А то замучит, все равно белую, дак замучит. У меня двадцать лет коровы белой не было. [Если белая — ему не нравится?] Не любит, не нравица. В другом белая, в другом красная, а в другом чёрная — кто где как. Нать было красную или чёрную держать» (Ошевенск).

Здесь уместно вспомнить о том, что, по поверьям, домовый похож на человека — хозяина дома, в котором он обитает: «Кто хозяин, тот и будет домовый, кто хозяин дома. Хозяин, домовый, тоже такой же, как ты — молодой, ты молодой, значит, и он молодой, я вот старый, значит, и он у меня старый. Он нас охраняет. Как ты охраняешь свой очаг, он охраняет вас. Если ты ему [домовому] не вредишь, и он тебе не вредит» (Печниково). В Каргополье также существует представление о том, что у домового *хозяина*

есть семья, дублирующая семью человека. Таким образом, колористический критерий при отборе домашнего скота имеет глубокий мифологический подтекст: домовый, как воплощение родового начала, является хранителем родовой цельности. Благодаря отбору животного по масти, лошадь, корова, кошка и т.д. включаются в род. В этом отношении показателен еще один термин — *по крови*, синонимичный термину *по двору*. Он совершенно явно отражает принцип включения домашнего животного в род, установления с ним «кровной» связи.

С выбором масти скота связано еще два персонажа народной культуры — кошка и ласка. В Каргополье распространенным способом выбора скотины по нужной масти является ориентирование на масть живущей в доме кошки. «[По масти выбирают?] По масти тожо, што типа, говорят, какая кошка, такая должна быть корова — цвет. [Какой масти в доме кошка, такая и корова?] Ну да, да. [Почему?] Не знаю, совпадение. Если темная, дак темная» (Лукино); «Вот... штобы корова, кошка, собака были в одну масть» (Тихманга).

Касательно кошки, надо отметить, что эти животные тоже выбирают по масти. Желательно, чтобы она соответствовала цвету волос ее хозяина: «[Как кошку домой выбирали?] Кошку выбирали? Дак я не знай. Если хозяева чёрные, дак надо кошку чёрную брать. [Как это — хозяева чёрные?] Ну вот чёрны, вот вы чёрные, чёрны волосы, дак тебе надо чёрная кошка брать. [Смеется.] А я теперь побелела, дак надо белую. [Смеется.] Во... у мне дочь немножко с... рыжа, дак у ней кошка рыжая. [Смеется.] [А собаку по-другому?] А вот я не знаю, собак не знаю» (Каргополь).

Единична, но все же встречается более распространенная в других восточнославянских районах информация о том, что скот выбирают по масти ласки. О ласке иногда говорят, что это сам домовый или его ипостась: «Ну там чё-то говорили, вот во дворе другой раз какие-то ласки были. А ласки вот гоняли скот. Вот такая ись. Дух какой-то. Домовой ли, што-то» (Ухта); «[А во дворе кто-нибудь был наподобие домового в доме?] Дак во дворе, там, у лошадей, дак ласки, такие животные есь» (Каргополь). Существуют также представления, что это просто зверек, который «любит скот»: «Если лошадь, тут уж ласка косу заплетает, а не домовый. Так она всю гриву заплетет в косички. Ничего от этого плохого не бы-

вает. Вредить нельзя ей. Если она ходит — пускай ходит» (Архангело).

Обычно рассказывают о двух основных занятиях ласки. Во-первых, она заплетает косы в лошадиной гриве, причем в основном полюбившимся животным, и поэтому лучше эти косы не расплетать, иначе со скотиной может произойти что-нибудь неладное. Во-вторых, ласка всячески мучает скот, в том числе кусает, выдергивает у коров шерсть по хребту, «стрижет» овец. «А ласка, когда, у кони косу заплетает, маленькое животное. Овец стрижет ласка ли, нет. Будто, опять не знаю, кто-то стригёт, шерсть со спины съедает. Это ласка, наверное» (Архангело). Подобное отношение ласки к скоту часто отразилось в фольклоре как явление, связанное с тем, что скотина пришла не по двору, не понравилась домовому: «Бывает, вот к ней раньше, бывает так вылизывают да его, шерсть вот выщипывают такое... шерсть вот так вот по хребту, знаете вот. Если корову, лошади не полюбит [домовой], так это называется ласка... потом уйдет сам» (Ухта).

Другая распространенная зооморфная инкарнация домового — это кошка. Но если ласка связана больше с карательной функцией домового, то кошка скорее олицетворяет покровительственную функцию. В Каргополье считается, что наличие кошки в доме благоприятствует разведению коров, особенно если она трехцветной масти. Крайне интересен записанный в д. Лукино рассказ о живущей во дворе кошке, хотя, надо заметить, такая информация единична: «У людей-то по хлевам кошки, бывает, живут. [По хлевам?] Ну во хлеве там живут. У меня вот сына да говорит: "У нас вот во дворе кошка живет. Придет в квартиру, поест, а... походит — в хлев"».

Сближение образов кошки и ласки демонстрируют записи, в которых информанты описывают ласку, уподобляя ее кошке. Такая дефиниция ласки встречается крайне часто и стала почти формульной: «Ну ласка-та это есть. Ласка, как кошка» (Ухта); «Ласка называется, такая, как кошка» (Каргополь); «Она [ласка] у лошади заплетает косы... У ней на лапках у ней, как вот это вообще рука женская. И такие вообще. Вот как у кошечки» (Ухта); «А ласка что? Ласка ведь ходит, и вот у нас есть ласка. Да, она где-то около домов живет, ласка. У меня вот овцу всю обгрызла позапрошлый год. Всю шерсть из нее выдергала. Она животное маленькое, длинное, тощее. Как кот» (Ухта).

Мария Степановна Яганова из д. розеро в разговоре о домовом, скотине и кошке сказала: «Есть такая поговорка: "Как скотину держишь в избе, так скотину держит во дворе"». Представления о существовании некой связи кошки и коровы очень распространены в Каргополье. Как уже говорилось, считается, например, что кошки и коровы, живущие в одном доме, должны быть одной масти. Отметим, что собака встречается в этом ряду домашних животных гораздо реже. В приведенной поговорке эта связь как бы объясняется: кошка представлена как «скотина», которую человек *держит в избе*. И обращение с ней в избе влияет на то, как домовый обращается с коровой, которую уже он, а не человек *держит во дворе*. То есть хорошее отношение к кошке есть способ опосредованного или даже непосредственного (учитывая, что кошка часто фигурирует в мифологических рассказах как зооморфное воплощение домового) влияния на *хозяина-батюшку*.

Подводя итоги, отметим, что функция покровительства домашнему скоту — одна из важнейших для севернорусского домового — распределяется между специальными персонажами, являющимися его инкарнациями, — дворовым, кошкой, лаской. Тем не менее ни один из перечисленных персонажей не отделен окончательно от покровителя всего пространства дома, в отличие от духов-хозяев других хозяйственных построек (ср. *баеник* или *овинник*). Это объясняется тем, что, в сущности, функции покровительства домочадцам и домашнему скоту воспринимаются традиционным мифологическим сознанием как неразделимые, объединяющиеся в функцию протекции роду и родовой цельности.

Примечания

¹ См.: Криничная Н.А. Русская народная мифологическая проза. СПб., 2001. Т. 1.

² Так, например, представления о баннике как об отдельном персонаже формируются в связи с «отпочкованием» бани от четырехстенного сруба с определенным внутренним строением в качестве самостоятельной постройки. До этого функции современной бани выполняла печь, которая была значительно больших размеров (Криничная Н.А. Указ. соч. С. 108).

³ Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л., 1983. С. 51—52.

⁴ О структуре и типах севернорусских, и в частности каргопольских, домов-комплексов см., напр.: Пермиловская А.Б. Северный дом. Петрозаводск, 2000.